

**Тезисы выступления
координатора программы ПИР-Цentra «Ядерное
нераспространение и Россия» А.А. Баклицкого**

на расширенном заседании Экспертно-консультативного совета
ПИР-Цentra и Международного клуба «Триалог»
04.10.14.

Я хотел бы начать с того, что ядерная энергетика сама по себе, в принципе, вещь довольно утилитарная и понятная. Когда мы говорим про ядерную энергетика, то обычно имеем в виду экономику, инвестиции, потенциал для строительства. И если мы читаем новости атомной энергетика, то читаем мы их в экономическом разделе газеты: что нового произошло, какие контракты подписаны.

Ключевые вопросы в сфере атомной энергетика - это вопросы, например, задержки в сроках, потому что любые крупные проекты могут долго строиться. К примеру, французский реактор EPR на АЭС Фламанвиль очень сильно задерживается, сильно растут цены. Например, если мы обсуждаем атомную энергетика Индии, то мы не можем не говорить про закон об ответственности в случае ядерного ущерба, как страхуеться ядерный ущерб, кто платит, в конце концов, если происходят какие-то инциденты. И если мы смотрим на рынок атомной энергетика, то, в принципе, он понятен для всех: подрядчик выбирается по цене, по качеству, по опыту и надежности. Так один из таких ярких примеров, когда Объединенные Арабские Эмираты выбирали подрядчика для строительства АЭС, они выбрали корейскую компанию KERCO. Это был первый экспортный контракт KERCO, соревновались с ними французы и американцы с достойной историей и достижениями, но корейцы предложили лучшую цену, лучшие условия - и в итоге ОАЭ согласились на корейское предложение.

То есть, казалось бы, атомная энергетика довольно приземленная, понятная тема, которую стоит обсуждать где-то рядом с финансовыми рынками, а не на конференции по глобальной безопасности. Но в то же время это, конечно же, не так. Атомная энергетика носит особый характер, и процесс создания топлива для атомной энергетика, как мы знаем, очень близок к процессу создания или возможности создания военной ядерной программы. Таким образом, все, о чем мы говорим, начинает приобретать другое – параллельное, военное и стратегическое измерение. Атомная энергетика – это всегда больше чем энергетика. Мы все это прекрасно понимаем. Вот на этом уровне возникает "смычка" уже между атомной энергетикой, процессом ДНЯО и ядерным нераспространением. Тем, о чем мы говорим сегодня на разных сессиях.

Как уже упоминалось сегодня, в рамках ДНЯО одна из самых главных коллизий, одна из самых главных горячих точек всех Препкомов, о чем господин Рауф, в частности, говорил, - это статья шестая, посвященная разоружению. Подразумевается, что в рамках ДНЯО есть государства, обладающие ядерным

оружием, и есть государства, не обладающие ядерным оружием. И вот государства, не обладающие ядерным оружием, очень сильно выступают за то, чтобы "ядерная пятерка" разоружалась, сводя в перспективе этот диспаритет к нулю. Господин Рауф очень хорошо описывал, что было в рамках последнего Препкома, и вот это движение, включающее гуманитарную инициативу в себя, становится все сильнее. Но вот о чем меньше говорят, возможно, и напрасно - это статья четвертая ДНЯО. Статья IV гласит, что любое государство должно иметь полное право на развитие мирной атомной энергетики, ничем не ограниченное, кроме как другими положениями ДНЯО.

Но, если мы, действительно, посмотрим на это немножко более подробно, получается, что в развитии атомной энергетики у нас похожая картина: есть "nuclear haves" и "nuclear have nots". Там картина более размытая: государств, которые строят атомные электростанции, значительно больше, чем государств "ядерная пятерка", но, в общем-то, картина довольно похожая. И вот между этими двумя категориями также стоит стена - не такая высокая, не такая непреодолимая, но, есть понимания со стороны ряда государств, что нужно как-то отсекал технологии, которые могут быть опасны, от общего распространения. И важность этого вопроса, если всмотреться, довольно высока. В итоговом документе Обзорной конференции ДНЯО 2010 года 47 пунктов из 120 - больше трети - относится к статье четвертой, именно к мирной атомной энергетике, хотя, казалось бы, договор о нераспространении.

Логика в этом разделении на "haves" и "have nots", конечно, есть. Мы знаем, к сожалению, много примеров, когда мирная атомная энергетика использовалась для создания военной атомной энергетики, и большинство этих заградительных барьеров, которые действуют сейчас, - это, в первую очередь, ответы на различные вызовы. Группа ядерных поставщиков, экспортный контроль, дополнительный протокол к соглашениям о гарантиях МАГАТЭ - это попытки максимально отследить, чтобы не пересекалась граница между мирным и военным атомом. При этом очень важно не забывать, что реально, а что все-таки нереально. Нужно понимать, где находится реальная угроза, а где начинается либо намеренное и неслучайное искажение действительности, либо недопонимание чего-то. Хороший пример - это Ближний Восток.

Если мы говорим про атом в контексте Ближнего Востока, первое, что приходит в голову, как минимум, людям, которые, смотрят телевизор, - не экспертам - это создание ядерного оружия. Причем такого четкого общественного понимания разделения на мирный и военный атом нет. И мы все еще помним угрозы строительству Бушерской АЭС, обвинения в адрес России в том, что создание Бушерской АЭС противоречит балансу на Ближнем Востоке, может нарушить этот баланс и, в общем, это нежелательное строительство. Оно воспринималось именно в контексте иранской ядерной программы - именно в этом стратегическом, политическом контексте - не экономическом. И, если мы посмотрим на то, что произошло действительно на Ближнем Востоке с течением времени, то сейчас никому не приходит в голову говорить о том, что нужно бомбить Бушерскую атомную электростанцию - этот вопрос снят с повестки дня, все понимают, что это легководный реактор, находящийся под гарантиями МАГАТЭ, и он не представляет никакой опасности ни для кого. Он безопасен с

военной точки зрения, можно говорить об экологических вопросах, но понятие "Бушер = бомба" или "Бушер = угроза", по крайней мере, на межгосударственном уровне исчезло – его нет. И если мы убираем вот эту политическую составляющую, то Ближний Восток представляет собой развивающийся активный рынок: Турция строит АЭС, Объединенные Арабские Эмираты строят АЭС, Иордания планирует, Египет планирует, то есть, как только мы спускаемся со стратегического уровня на уровень ниже, на технический уровень, то проблема как-то сама собой понемногу начинает решаться. Таким образом, нужно говорить о том, что с разделением на «nuclear haves» и «nuclear have nots», с точки зрения атомной энергетики, нужно бороться, потому что есть все-таки обязательства по статье четвертой ДНЯО, и их нужно выполнять. И международное сообщество должно помогать тем странам, которые хотят создавать атомную энергетику, с учетом всех возможных предосторожностей, используя все необходимые меры, но помогать развивать атомную энергетику.

Хороший пример в этом контексте - Международный проект по инновационным реакторам и топливным циклам - ИНПРО. Это российская инициатива 2000 года. Сейчас в него входит 39 государств из членов ДНЯО, кроме того, в него входят государства, не входящие в ДНЯО, что является таким довольно интересным исключением, - там находятся Индия, Пакистан и Израиль.

С января 2014 года ИНПРО стало секцией внутри департамента по атомной энергетике МАГАТЭ, что говорит о том, что МАГАТЭ этой программе уделяет довольно значительное внимание. ИНПРО представляет анализ и поддержку, если страны запрашивают ее, консультирует их по оптимальному ядерному топливному циклу, как им лучше его использовать, чтобы добиваться именно поставленных целей, не тратить лишние деньги, использовать лучшие технологии, которые им подходят. В этом же контексте, например, действует программа технического сотрудничества МАГАТЭ: она финансируется на добровольных взносах государств-участников и помогает развивать мирную безопасную атомную энергетику в странах-новичках.

На прошлой секции много говорилось про 2015 год, когда состоится очередная Обзорная конференция, подведение некоторых итогов - подведение некоторой черты. И все мы хорошо представляем, что снова возникнет этот вопрос: часть стран будет считать себя дискриминированной в рамках ДНЯО и будут воспринимать ДНЯО не как что-то, что обеспечивает для всех безопасность и лучшие условия, а будет воспринимать ДНЯО как нечто навязанное, нечто несправедливое. Я более чем уверен, что государства, как минимум, "движения неприсоединения" очень бы хорошо восприняли равноправный подход к ним в рамках статьи четвертой. То есть сотрудничество в этой области могло бы нам сделать всем жизнь немного легче и спокойнее, и мы могли бы заниматься действительно важными и актуальными проблемами, такими как угроза ядерного терроризма, угроза физической ядерной безопасности, над которой, в частности, мы в ПИР-Центре работаем сейчас в рамках нашего проекта по оценке физической ядерной безопасности.

Нужно всем быть реалистами и понимать, где находятся выдуманные угрозы, и где находятся реальные угрозы. В общем и целом, неразрешимых противоречий

нет, нужно стараться находить варианты, которые устраивают всех, и в этом контексте двигаться и к 2015 г., и к дальнейшим Обзорным конференциям в рамках Обзорного процесса.